

ОСНОВНЫЕ ПЕРИОДЫ И ТИПЫ «УРБАНИЗАЦИИ» В ДРЕВНЕЙ РУСИ В VIII—XII ВВ.

А. С. Фогель

Самарский государственный экономический университет, г. Самара, Российская Федерация

Статья посвящена исследованию проблемы процессов градообразования и формирования городских сетей в Древней Руси VIII—XII вв. Автор предпринимает попытку систематизации основных типов городских поселений в указанный период по следующим критериям: наличие или отсутствие укреплений, размеры поселений, их основные функции, связь с процессами государствообразования, наличие или отсутствие связанных городских сетей, плановость или спонтанность появления, связь с сельскохозяйственной округой и другие. На основании указанных признаков выявлены, описаны и проанализированы пять основных типов городских поселений — таковыми могут считаться племенные грады, открытые торгово-ремесленные поселения (протогорода), княжеские погосты, крепости более позднего времени, с погостами не связанные, древнерусские города XI—XII вв. Все указанные типы, являющие собой малые и большие системы (сети), сменяли друг друга на протяжении указанного периода и вступали в различные взаимодействия, формируя единую городскую сеть Древней Руси.

Ключевые слова: Древняя Русь, протогородская сеть, племенные грады, погосты, дружина.

Процесс становления, развития и укрепления городов и городских сетей является одной из важных тем для понимания складывания политической, этнической и культурной жизни Древней Руси.

Именно в городах, как центрах округи, концентрируется власть в лице князей и наместников, военных контингентов и зачатков чиновничества, формируется торговая прослойка, развивается высокоспециализированное ремесло, ориентированное на экспорт — международный или местный, концентрируются богатства, здесь в первую очередь появляются военные, культурные и технические новинки, здесь встречаются и устанавливаются длительные контакты между представителями различных народов.

Но таким сложным, открытым и полифункциональным образованием города Древней Руси стали далеко не сразу. Принято считать, что образование городов напрямую связано с формированием государственной власти, однако, если о государственности на Руси можно говорить не ранее 1-й половины IX в., то время начала формирования городов в более или менее современном понимании относится примерно к середине VIII в. [6, с. 32—33].

Процессы урбанизации и государствообразования тесно связаны, но первоначально развиваются во многом параллельно. В период VIII—XII вв. возможно с определенной долей условности выделить несколько этапов градообразования, причем хронологически эти этапы не имеют четкого разделения и могут накладываться друг на друга, а территориально возможно сосуществование нескольких этапов урбанизации даже в рамках одного и того же города. Получается, что ни одна их более поздних сетей не уничтожает предшествующую целиком, а в целом ряде случаев надстраивается над ней. Также мы можем констатировать, что от этапа к этапу идет количественный рост городов, включаемых в сети [26, с. 29—33].

Основными причинами формирования городов и городских сетей в Древней Руси являются:

1. Относительно спокойная политическая ситуация в Восточной Европе в течение VIII—IX вв., связанная со стабилизацией границ основных государств, значимых для региона — Византии, Арабского халифата, Хазарского каганата, что гарантировало и определенную стабильность и даже рост экономики.

2. Перманентная стихийная славянская колонизация, шедшая несколькими потоками с различной интенсивностью. В этот период славяне являются наиболее многочисленным и развитым этносом в регионе [21, с. 58]. Колонизация шла по территориям, уже заселенным финно-угорскими и балтскими племенами и далеко не всегда носила мирный характер, но была постоянно действующим фактором развития этих территорий на протяжении VIII—XIV вв.

3. Активность скандинавов, связанная с эпохой викингов и принимавшая различные формы — от примитивного грабежа, простых форм рэкета до торговли и от колонизации незаселенных территорий и смещения с местным населением («колбязги» [14, с. 119], приладожская чудь [3, с. 131]), до образования относительно самостоятельных организаций местного значения (Ладожское ярлство [7, с. 93—95], Гнездово [17, с. 285—288], Полоцкое и Туровское княжества [23, с. 228—230]) и сложных организаций (Русь Рюрика и Олега), также скандинавы принесли новые формы военной организации (в первую очередь дружину как постоянное явление [21, с. 53—55]), совершенный для того времени механизм управления, лучшее в регионе оружие и корабли.

4. Складывание и развитие трансконтинентальных торговых путей, проходящих через всю территорию Восточной Европы (балтийско-волжский, балтийско-днепровский, западно-двинский и другие). Торговые пути, связавшие Восточную Европу с центрами тогдашнего мира — Византийской империей и Арабским миром, превращали ее из «медвежьего угла» в довольно оживленный перекресток, через который

шел поток богатств и престижных товаров. В силу того, что финно-угры, славяне и даже скандинавы были менее развиты в экономическом и культурном смысле, чем арабы и византийцы, торговля с самого начала носила достаточно специфичный характер. Халифат и Империя не были заинтересованы в местных ремесленных изделиях, а традиционный характер экономики местных племен не позволял поставлять продукты сельского хозяйства в достаточном количестве. Поэтому основными товарами становятся пушнина (в основном экспортировалась в страны Арабского халифата, где меховые одеяния носили престижный характер), мед и воск (в основном экспортировались в Византию, где он активно использовался для производства свечей) и рабы (интересны обоим пространствам на всем протяжении периода в промышленных масштабах) [15, с. 185]. В обмен поставлялось в основном серебро (арабское) и ткани (византийские). Можно говорить о том, что в этот период создается единая валютная система, основанная на арабском дирхеме, на огромных пространствах от Арабского Востока до Скандинавии [11, с. 11]. Арабские страны выступали в этот период почти единственным поставщиком серебра, походы в них сулили сверхприбыли (до 1000 % [12, с. 223]), поэтому походы становились регулярными и требовали организации соответствующей инфраструктуры. Торговые пути, изменяясь и дополняясь различными дублирующими путями и ответвлениями, просуществовали, начиная со второй половины VIII по начало XI вв. и неизбежно вовлекали в свою организацию и функционирование большие массы людей и создавали различные формы их взаимодействия. Организаторами торговых путей выступили скандинавы. Но им самим нечего было предложить в более культурных пространствах (кроме службы наемниками) — все ресурсы, нужные для торговли, находились у местного населения, и необходимо было создать определенную систему взаимодействия с ним, чтобы их получить, кроме того, нужны были хотя бы относительно безопасные гавани и места отдыха.

5. Кризис родоплеменных отношений — восточные славяне, финно-угры, балты и скандинавы в этот период вступали в стадию (довольно длительную, особенно в условиях внутренней колонизации, способствующей сохранению и перенесению на новые территории наиболее простых и эффективных форм отношений [21, с. 53—54]) разложения первобытно-общинного строя, что способствовало выделению малой семьи как относительно автономного хозяйственного механизма и появлению дружины, прямо противопоставленной обществу родовому. При этом стоит упомянуть, что эта стадия развития так или иначе характерна для всех общностей Восточной Европы, то есть мы можем говорить об относительно одинаковом уровне развития региона.

6. Формирование племенных союзов, вожеств и предгосударств различной степени сложности с центрами власти различных уровней, завершившееся созданием Древнерусского государства со своими интересами и приоритетами и проводящим достаточно значимые и регулярные общегосударственные акции, в том числе и градостроительные.

Все эти факторы действовали в комбинации и их влияние на разных этапах развития было далеко не одинаковым, — так, влияние скандинавской активности на градообразование постоянно падало, о государственности на первых этапах говорить можно только с определенной долей осторожности, а вот славянская колонизация значима не только в этот период, но и далеко за его рамками.

Возможно выделить несколько периодов и типов развития городских центров в Древней Руси:

- 1) племенные «грады» (VI — конец X вв.);
- 2) Протогорода или «открытые торгово-промышленные поселения» (середина VIII — начало XI вв.);
- 3) погосты (середина X — первая половина XI вв.);
- 4) княжеские крепости (конец X—XII вв.);
- 5) раннесредневековые города (X—XII вв.);

Племенные грады возникают довольно рано (VI—VII вв.) как центры «кустов сельских поселений» [9, с. 144—145] и изначально несли несколько функций — административные, возможно фискальные, оборонительные, ремесленные торговые. Первоначально таких поселений было немного — исследователи относят к ним городище Зимно (на притоке Западного Буга), Пастырское (в бассейне р. Тясмин, Среднее Приднепровье), возможно, Киев (городище на Старокиевской горе) [4, с. 157].

Расцвет племенных центров относят к VIII—IX вв. и связывают с формированием относительно устойчивых племенных союзов и племенных княжений. В этот период выдвигаются такие центры как Искоростень у древлян, поселение Крутик у веси, Сарское городище и Клещин у мери, Чаадаевское городище у Муромы [13, с. 50] Чернигов как центр северян, Полоцк у полочан, Гнездово, Псков и Изборск как центры различных групп кривичей, Рюриково городище как изначальный центр словен ильменских, Волынь как центр волынян, Кордно как центр вятичей [4, с. 159] и т. д.

Для городов этого типа характерны стихийный характер образования, в том числе и путем слияния нескольких близлежащих поселков, тесная связь с окружающими селищами, наличие укреплений различной степени сложности (первоначальной функцией городищ этого типа исследователи видят убежище в период военной опасности). Данные поселения могли быть достаточно крупными (до 1—8 га). Племенные грады имели значение только для местной округи, с которой были тесно связаны, и не составляли единой сети.

С середины X в., вместе с укреплением власти Рюриковичей, начинается подчинение племенных княжений центральной власти и постепенный упадок племенных центров. В борьбе с местными княжениями княгиня Ольга и ее внук Владимир основывают новые города на некотором удалении от старых для контроля над ними или же устанавливают в них свою прямую власть (наместники). Конкретные формы, в которых происходила «смена центра», были довольно разнообразны. После подчинения Древлянской земли Ольгой центром ее, вместо Искоростеня, стал, по-видимому, Овруч (Вручий). В княжение в Древлянской земле сына Владимира, Святослава

Владимировича (конец X — начало XI в.), центром его волости, возможно, был Белгород. Позже древлянская территория непосредственно подчиняется Киеву. Центром земли дреговичей в конце X в. (когда там был посажен Владимиром Святополк) стал Туров, возникший, по археологическим данным, примерно в это же время.

В земле волынян новый центр, — Владимир Волынский, — был основан в конце X в. (примерно в 25 км от старого), когда Владимир Святославич посадил в Волынской земле своего сына Всеволода. На бывшей хорватской территории во второй половине XI в. был построен и стал центром волости Теребовль. В земле полоцких кривичей новый центр возник в конце X в. после ликвидации Владимиром местного княжения. Он находился в полукилометре от старого и сохранил его название — Полоцк. На территории, верхнеднепровских кривичей центр также сохранил прежнее название — Смоленск, но был перенесен (во второй половине XI в.) на 12 км. На территории бывшего союза племенных княжеств словен новым центром стал Новгород. Он появился в X столетии [4, с. 159—161].

Упадок центров племенных княжений не всегда сопровождался полным прекращением на них жизни: наряду с прекратившими существование центрами, трактуемыми как «племенные» (Гнездово, Ревно, Титчиха, Большое Горнальское городище, возможно Искоростень), известен ряд сохранившихся, но ставших второстепенными городами в структуре раннефеодального государства (Волинь, Изборск) [3, с. 128].

Процесс «огосударствления» племенных центров завершается при Ярославе Владимировиче в первой половине XI в.

Параллельно развивались поселения другого типа — протогорода или открытые торгово-ремесленные поселения. Это была первая городская сеть, охватившая большую часть территории Древней Руси. Своим существованием она была обязана складывающимся торговым путям и ориентировалась в первую очередь на их обслуживание. Признаками подобных поселений в современной науке считаются:

- 1) расположение на важнейших торговых артериях;
- 2) значительный процент социально-обособленного военизированного населения (дружины);
- 3) довольно крупные размеры поселений (до 30 га и более) и сопутствующих им могильников (до 6000 курганов);
- 4) высокий уровень развития ремесел, часто организованных на дальний экспорт;
- 5) свидетельства развитой международной торговли;
- 6) наличие в топографической структуре городищ;
- 7) полиэтничный состав населения;
- 8) общая хронология (возникновение во второй половине VIII—IX вв. и постепенное затухание жизни в течение XI в.).

К таким протогородам относят Старую Ладугу, Городище в Тимирево, Рюриково городище, Михайловское, Петровское, Гнездово, Полоцк, Псков, Сарское городище, поселение Крутик и другие.

Как видим, часть племенных центров в ходе своего развития оказались включены в функционирование сети протогородов и продолжили развитие, приобретая ряд новых черт и особенностей.

Протогорода появлялись поэтапно в течение VIII—X вв. в процессе складывания, усложнения и функционирования системы торговых путей и были ориентированы в первую очередь на дальнюю международную торговлю. Это не исключало возможности существования протогородов в окружении большой сельскохозяйственной округи (Рюриково городище, Сарское, Крутик), но создавало возможность развития почти исключительно на торгово-ремесленной деятельности (Старая Ладога) или даже не непосредственно на самих торговых путях. Некоторые исследователи склонны видеть эту систему продолжением сети викив Скандинавии и включают сюда также Саркел, Булгар, Биляр, Итиль в булгарских и хазарских землях [1, с. 93].

Специфичность этой протогородской сети состоит в том, что она изначально создается представителями всех народов — участников торговли, часто на пустующих до этого землях в ходе самой колонизации. Однако роль их была неодинаковой — чаще всего города создавались славянами или же финно-уграми и на их землях, но руководили ими зачастую викинги — так возникают скандинавские ярлства (Ладога, Гнездово, Полоцк, Туров), часть которых просуществовала на протяжении всего рассматриваемого периода. В ходе взаимодействия роль скандинавов снижалась, так как на поздних стадиях (конец X — начало XI вв.) — по мере укрепления государства Киевская Русь, князья начали активное «выдавливание» скандинавских дружин за пределы государства, а ранее переселившиеся скандинавы по большей части растворились среди славяно-финского населения, но это был достаточно длительный и постепенный процесс.

Протогородская сеть была принципиально ориентирована на экспортную торговлю и ее обслуживание — здесь активно развивается ремесленное производство, но, по крайней мере изначально, они были слабо связаны как с местной сельскохозяйственной округой, так и с массами местного населения [24, с. 42]. Протогорода могут существовать как анклавы в иноэтничной среде. В протогородах концентрируется сравнительно большое население (от 400—600 [27, с. 226] до 1000 человек [7, с. 68]), причем доступ в эти поселения достаточно свободен. Здесь концентрируются верхи общества — их функционирование было невозможно без участия знати или же ее организующей роли.

Протогорода неизбежно создавали вокруг себя инфраструктуру, что способствовало укреплению культурных и политических связей. Они выступали центрами распространения культурных и технических новинок, то есть способствовали прогрессу и сами же распространяли его по Русской равнине.

В протогодах концентрируется дружина — организующая и контролирующая торговые пути сила — изначально полиэтничная и очень активная среда, которая способствует превращению протогородов в центры протогосударственных образований различного типа.

На основании существования открытых торговых-ремесленных поселений не только на территории Древней Руси, но и в Скандинавии и Прибалтике и складывающейся в них единой культуры некоторые ученые говорят о них как о центрах единой скандинавской цивилизации, существовавшей в VIII—X вв. [12, с. 276].

Сеть протогородов представляет собой альтернативный путь урбанизации по сравнению с племенными градами и также способствовала становлению государственности Древней Руси. Но само существование этой сети было возможным при условии политической стабильности и существования единой экономической системы, но к концу X в. эта система испытывает серьезный кризис в связи со становлением единого Древнерусского государства и государств в Скандинавии, а также с истощением серебряных рудников в Арабском халифате.

Рюриковичи, создавая государство, добиваются контроля не только над конкретными территориями, но и над торговыми путями, по ним проходящими, поэтому в первой половине XI в. сеть протогородов начинает испытывать упадок и, также как племенные грады протогорода или же теряют свою автономность и включаются в систему власти Рюриковичей или же рядом с ними основываются новые города, и они постепенно запустевают, однако такая схема действует не всегда. Переход многих протогородов в разряд раннесредневековых городов мог быть и достаточно драматичным (исследователи пытаются связать с этими процессами пожары в Старой Ладоге, Пскове, военные разгромы в Гнездово в последней трети X — начале XI вв. [17, с. 289]).

Таким образом, первые два этапа урбанизации не были связаны напрямую с деятельностью государства и княжеской администрации и в чем-то даже противостояли им. Племенные грады и протогорода появляются во многом стихийно в связи с разложением первобытнообщинного строя и складыванием новых местных территориальных организаций или же потребностями развивающейся международной торговли и поэтому с укреплением государственных институтов вынуждены трансформироваться в угоду изменяющейся ситуации.

Древнерусское государство как более или менее целостный и действенный организм складывается в конце IX — первой половине X вв., но первоначально киевские князья не основывают новые города, а занимают своими дружинами уже существующие или же договариваются со «всяким князем» о подчинении и совместных общеполитических акциях (походы 907, 941, 944 гг.). Деятельность по созданию городов начинается только с середины X в., когда быстрыми темпами начинается идти процесс превращения «Империи Рюриковичей» из достаточно рыхлой конфедерации в государство с более или менее единой системой управления. Отразился этот процесс и на урбанизации, — с этого времени новые города появляются под непосредственным руководством киевских князей и обслуживают нужды всего государства в целом.

«Авторское» княжеское градостроительство начинает определенно и активно проявляться в период регентства княгини Ольги, — летописная

статья 947 г. говорит о создании системы погостов: городков-крепостей с постоянными наместниками и военными отрядами, призванных упорядочить сбор дани и обеспечить контроль княжеской администрации над территориями покоренных племен, а также и судопроизводство. Часть погостов при этом неизбежно должна была быть сосредоточена на контроле торговых путей и таким образом была прямо направлена против системы протогородов, выполняя внешнеполитическую функцию — ограничение активности различных иностранцев, в первую очередь скандинавов, на русских территориях.

Примечательно было то, что дружина, стоявшая в этих городках, включала в себя довольно значимый процент выходцев из Скандинавии. Таким образом, первоначально проблемы обеспечения крепостей гарнизонами решались не за счет народного ополчения, а, в основном, за счет профессионального наемного контингента. Вокруг погостов с их укреплениями постепенно создается сельскохозяйственная структура, их обслуживающая, а на погостах начинает развиваться ремесло, связанное с обслуживанием военных контингентов и представителей княжеской администрации [8, с. 150]. Таким образом центральное положение, концентрация дружинной знати и развитие ремесленной и торговой функций объективно способствовали превращению погостов в города.

Система погостов была создана, если судить по данным письменных источников и археологии, отнюдь не одномоментно, а в течение нескольких десятилетий — второй период активизации развития этой системы относят к 80—90 гг. X в. и связывают с деятельностью Владимира Святославича, и просуществовала до середины XI в. К подобным поселениям на Днепровском правобережье относятся в первую очередь, киевское городище на Замковой горе, городище Китаево под Киевом; левобережье представлено памятниками Табаевки, Шестовицы, Клонова, Седнева, Пересажа и Гущина [8, с. 150]. Среди наиболее значимых и крупных погостов исследователи называют Тимирево, Старую Ладогу, Рюриково городище, Белоозеро, Гнездово. Как видим, не все погосты возникают на пустом месте — часть из них появляется на местах уже существовавших протогородов и племенных центров, то есть опять можно говорить о некоторой преемственности городских сетей.

С формированием погостов также было тесно связано и оформление «княжеского домена» или «Русской земли» с главными городами Киев, Чернигов и Переяславль [16, с. 31].

Система погостов оказалась сильно связана с центральной княжеской властью и перестает существовать в связи с началом удельного периода, когда князья или теряют свою власть и привилегии (отслежено на примере Передольского погоста [20, с. 188—190]) или же сами князья оттягивают свои дружины в крупные города. Часть погостов в результате этого изменения условий своего существования стала раннесредневековыми городами, а часть перешла обратно в селища.

Кроме погостов, направленных в основном на решение внутрисполитических задач, в конце X — первой половине XI вв. князья активно занимаются

созданием оборонительных систем крепостей по границам Киевской Руси.

Особенностью Древнерусского государства была большая протяженность границ — в первую очередь границ со Степью, где расселились кочевники, но также на определенных этапах значимыми становились границы с поляками (длительный спор из-за Червенских городов) и литовскими племенами.

Активизация оборонительного градостроительства происходит при князьях Владимире Святом и Ярославе Мудром. Некоторые исследователи видят причину этого в том, что Владимир выступает князем «нового типа» — не «варяг» по поведению и образу действий, как Олег, Игорь и Святослав, предпочитавшие завоевательные походы, но славянин, «полянский князь» [21, с. 277]. В это время великие киевские князья не отказываются от дальних походов совсем (в этот период совершаются походы на Вожскую Булгарию, в Польшу, Степь, но ни одна из этих территорий не была завоевана), но в целом сосредотачиваются на стабилизации уже приобретенных территорий.

Их деятельность направлена на два традиционных направления — условно Северное и Восточное. С одной стороны, для этого времени характерно усиление контроля торговых путей против экспансии скандинавов — создание укреплений и организация ярлства во главе со служилым скандинавом в Старой Ладоге, укрепление и превращение Рюрикова Города в военно-административный центр округа, строительство новгородских укреплений. Идет активное строительство крепостей («дружинных лагерей») по рекам — как развитие и дополнение системы погостов [8, с. 150].

Также это время активного «переноса городов» как одного из вариантов решения проблемы уничтожения самостоятельности как племенных центров, так и торговых протогородов. Рядом с ними возникают центры княжеской администрации: Ростов рядом с Сарским городищем, Ярославль рядом с Тимиревым, Смоленск рядом с Гнездовым, Белоозеро рядом селением Крутик и т. д. [25, с. 208], в ходе своего развития они вызывают «затухание» старых центров, хотя о массовое и сколько-нибудь единомоментное «перетекание» населения на археологическом материале не прослеживается. Также в это время возникают города и не связанные со старыми, такие поселения как Ярославль и Юрьев, строились в основном на границах, и выступали как форпосты продвижения славян в пределы прибалтийских и волжских племен, были средством укрепления политической мощи и фиксировали пределы приобретенных земель [10, с. 54].

С другой стороны, начинается строительство крепостей и целых систем оборонительных сооружений на границах со Степью. Вызвано это было тем, что со второй половины X в. печенеги окончательно становятся врагами Руси. В этот период — конец X — первая половина XI вв., натиск степняков на южнорусские земли достигает своего апогея. Для обеспечения этих крепостей гарнизоны и снабжения их продовольствием киевские правители впервые начали применять политику переселений (летописная статья от 988 г.) — вызвано

это было тем, что «рати» с кочевниками происходили «беспрерывно», а оборона рубежей требовала колоссальных людских и материальных ресурсов. Переселенцами оказывались, как представители различных восточнославянских племенных союзов, так и финно-угры, торки, подчиненные роды печенегов, племенные поляки. В результате появляется своеобразная социальная группа воинов-земледельцев, находившихся в постоянной боевой готовности. Даже в мирное время, занимаясь хозяйством, они должны были иметь наготове боевых коней и необходимое оружие. Население данных крепостей было достаточно разнородным — были представлены славяне, скандинавы и финно-угры [19, с. 12].

На правом берегу Днепра на расстоянии двух дней пути от Киева на юг и юго-запад были возведены мощные оборонительные сооружения — Змиевы валы. Внутри них подходы к Киеву прикрывали небольшие города-крепости — самыми известными из них стали Белгород, Переяславец, Василев, Треполь, Торческ. Также были перестроены и укреплены детинцы Киева, Переяславля Южного, Вышгорода, Китаевского городища, поселения в Вите-Почтовой и Заречье. Были построены крепости по рекам Десна, Остер, Трубеж, Сула, Стугна, Рось [22, с. 66—69].

После разгрома печенегов и прихода в XI в. половцев система крепостей на границе со Степью постоянно обновлялась и модернизировалась. Таким образом, часть городов более позднего периода ведут свое происхождение именно от времени второй половины X — начала XI в.

Во второй половине XI—XII вв. начинается становление сети древнерусских городов в «классическом» смысле. Появляются города во всех частях «Империи Рюриковичей» — Дорогобуж, Луцк, Бужск, Торжок, Великие Луки, Волок Ламский, Борисов, Изяславль, Кострома, Москва, Дмитров, Вологда, Устюг и другие. Города обретают устойчивую двухчастную структуру — укрепленный детинец и торговый посад в рамках единого поселения. Они ориентируются на интересы князей и дружины — административные функции в целом преобладают над торговыми. Городская сеть этого времени активно разрастается: наряду с крупными городами — центрами округа, появляется достаточно большое количество локальных центров под различные, в большинстве внутренние нужды, особенно этот процесс усиливается в связи с развитием процессов децентрализации.

Растут и размеры городов относительно селищ, хотя население даже крупных городов этого периода редко превышает 1000 человек. Также для древнерусской раннегородской сети характерно относительное единство культуры, не исключающей возможности существования различных локальных вариантов. Кроме того, сеть в целом и каждый город в отдельности тесно связаны с сельской округой.

Города в этот период наравне с монастырями становятся и центрами распространения христианской культуры и грамотности, — до этого времени если городские и протогородские центры и были приурочены к святыням, то они не входили в их структуру непосредственно.

На протяжении периода VIII—XII вв. сменяется несколько типов городских поселений и городских сетей.

Первые по времени возникновения, «племенные грады», характеризуются неразделенностью функций, относительно стихийным появлением, на них чаще всего есть укрепления, население относительно однородное по происхождению, объединения городских центров чаще всего носит локальный характер в рамках определенного достаточно небольшого региона, жизнь на городищах может быть, как постоянной, так и сезонной, для этого типа также характерна тесная связь с сельской округой.

Следующим типом становятся «протогорода» или открытые торгово-ремесленные поселения. Для них характерно отсутствие единого плана формирования, ориентация на международную торговлю и функционирование торговых путей, они являются частью большой торгово-ремесленной сети, связывающей балтийский регион с единое целое (скандо-балтийская цивилизация) достаточно слабая связь с сельскохозяйственной округой, относительно большие размеры, почти полное отсутствие укреплений, многонациональное население, жизнь может также носить как постоянный, так и сезонный характер, население носило полиэтничный характер.

Погосты — строго говоря, сами погосты не создавались как города в полном смысле слова, но возводились достаточно целенаправленно именно как единая сеть относительно крупных поселений в стратегически важных местах всей «Державы Рюриковичей» и часть из них в ходе развития сумела реализоваться как постоянные города. Для этого типа поселений характерна ориентация в основном на внутренние нужды государства, единство замысла, относительная плановость, связь с княжеской администрацией и дружиной, относительно слабая связь с сельскохозяйственной округой, обязательное наличие укреплений. Жизнь на погостах носит постоянный характер, население было полиэтнично.

Княжеские крепости — также первоначально не задумывались как города, но как достаточно крупные поселения для противодействия иноземной опасности и, частично, контроля внутренних территорий. Не составляли единой сети — скорее стоит говорить о региональности явления — возводились на северном и восточном направлении во многом перенастраивая или же дополняя систему погостов. Ориентированы, таким образом, также на нужды государства, всегда укреплены, слабо связаны с сельскохозяйственной округой, население носило достаточно разнородный характер, так как система крепостей обеспечивалась как за счет профессиональных дружинников, так и за счет переселенцев из разных земель. Сети крепостей были созданы в достаточно небольшой промежуток времени, правда, достаточно долго затем перестраивались и дополнялись, и по определенному плану. Жизнь на поселениях носила постоянный характер.

Древнерусские города — появляются разнообразными путями (из крепостей, погостов, форпостов, в результате «переноса городов»), но всегда являются результатом деятельности князей-Рюриковичей — киевских или местных. Функции данных городов

достаточно разнообразны, хотя всегда связаны с деятельностью княжеской администрации. Для данного типа характерна сложившаяся двухчастная структура, совмещающая укрепления и торговый посад, достаточно разнородное полиэтничное население. Все города этого типа связаны между собой в единую структуру, охватывающую все Древнерусское государство. Для городов раннегородской сети характерна связь с христианством и единая культура.

Таким образом, развитие протогородских и городских поселений и городских сетей в период Древней Руси имело разнонаправленный и многовариантный характер, отражая идущие в Восточной Европе процессы. Не все этапы и типы городских поселений были напрямую связаны с государством — в некоторых ситуациях образование городов скорее даже мешало, чем помогало его становлению. Далеко не все поселения указанных типов смогли реализоваться как полноценные города, но все эти поселения объективно способствовали формированию единой древнерусской народности и преодолению племенной разобщенности.

Литература и источники

1. Богуславский, О. И. Комплекс памятников у д. Городище на р. Сясь в системе синхронных североевропейских древностей / О. И. Богуславский // *Северная Русь и народы Балтики*. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2007. — 232 с.
2. Голубева, Л. А. *Весь, скандинавы и славяне в X—XI вв.* / Л. А. Голубева // *Финно-угры и славяне*. — Л. : Наука, 1979. — 173 с.
3. Горский, А. А. *О переходном периоде от доклассового общества к феодальному у восточных славян* / А. А. Горский // *Советская археология*. — 1988. — Вып. 2. — С. 116—131.
4. Горский, А. А. *Политические центры восточных славян и Киевской Руси: проблемы эволюции* / А. А. Горский // *Отечественная история*. — 1993. — № 6. — С. 157—162.
5. Дубов, И. В. *Проблемы становления раннефеодального общества на территории Ярославского Поволжья* : автореф. дис. ... канд. ист. наук / И. В. Дубов. — Л., 1974. — 20 с.
6. Кирпичников, А. Н. *Ладога VIII—X вв. и ее международные связи* / А. Н. Кирпичников // *Древняя Русь: новые исследования*. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995. — С. 28—53.
7. Кирпичников, А. Н. *Ладога в первые века ее истории* / А. Н. Кирпичников, В. Д. Сарабянов. *Ладога — древняя столица Руси*. — СПб. : Славия, 1996. — 200 с.
8. Котышев, Д. М. «Русская земля» в X—XII вв.: центр и периферия / Д. М. Котышев // *Восточная Европа в древности и средневековье: государственная территория как фактор политогенеза*. — М. : ИВИ РАН, 2015. — С. 149—153.
9. Котышев, Д. М. «Русская земля» в конце X — начале XI вв.: от вожества к раннему государству / Д. М. Котышев // *Восточная Европа в древности и средневековье: миграции, расселение, война как факторы политогенеза*. — М. : ИВИ РАН, 2012. — С. 143—147.
10. Лебедев, Г. С. *Культурная стратегия Северо-Запада Европейской части России и проблемы формирования Новгородской земли* / Г. С. Лебедев // *Археологическое исследование Новгородской земли*. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. — С. 50—55.
11. Лебедев, Г. С. *Скандинавия и Русь в историко-культурном процессе раннего Средневековья (VIII—XI вв.)* / Г. С. Лебедев // *Европа — Азия: проблемы*

этнокультурных контактов. — СПб. : Петроскандика, 2002. — С. 7—23.

12. Лебедев, Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси / Г. С. Лебедев. — СПб. : Евразия, 2005. — 640 с.

13. Леонтьев, А. Е. Меря и мурома: материалы к изучению систем расселения / А. Е. Леонтьев // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. — Ижевск : УИИЯЛ УрО, 1999. — С. 46—51.

14. Мачинский, Д. А. О роли финноязычного населения бассейнов Волхова и Великой в сложении этносоциума «Русь» (VIII—XI вв.) / Д. А. Мачинский // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы. — Л. : ГМЭ народов СССР, 1990. — С. 110—120.

15. Мельникова, Е. А. «Дружиною налезу серебро и золото»: военно-торговая экономика древнерусской элиты в X в. / Е. А. Мельникова // Восточная Европа в древности и средневековье: миграции, расселение, война как факторы политогенеза. — М. : ИВИ РАН, 2012. — С. 181—187.

16. Насонов, А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства / А. Н. Насонов. — М. : Изд-во Академии наук СССР, 1951. — 441 с.

17. Нефедов, В. С. Смоленское Поднепровье и Подвине в период формирования Древнерусского государства по археологическим данным / В. С. Нефедов // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год: предпосылки и пути образования Древнерусского государства; отв. ред. серии Е. А. Мельникова. — М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. — С. 270—299.

18. Носов, Е. Н. Первые скандинавы в Северной Руси / Е. Н. Носов // Викинги и славяне. Ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях. — СПб. : Дмитрий Буланин, 1998. — С. 56—82.

19. Носов, К. С. Русские крепости и осадная техника в VIII—XVII вв. / К. С. Носов. — СПб. : Полигон, 2002. — 176 с.

20. Платонова, Н. И. Древнерусский протогородской центр на Передольском погосте / Н. И. Платонова, Т. А. Жеглова, Ю. М. Лесман // Северная Русь и народы Балтики. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2007. — С. 142—194.

21. Пузанов, В. В. Древнерусская государственность / В. В. Пузанов. — Ижевск : ИД «Удмуртский университет», 2007. — 624 с.

22. Россия и степной мир Евразии: очерки / под. ред. Ю. В. Кривошеева. — СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. — 432 с.

23. Самонова М. Н. Скандинавский фактор в образовании Полоцкого и Туровского княжеств / М. Н. Самонова // Восточная Европа в древности и средневековье: государственная территория как фактор политогенеза. — М. : ИВИ РАН, 2015. — С. 228—232.

24. Седов, В. В. Становление европейского раннесредневекового города / В. В. Седов // Становление европейского средневекового города. — М. : Наука, 1994. — 200 с.

25. Седов, В. В. Становление первых городов в Северной Руси и варяги / В. В. Седов // Раннесредневековые древности Северной Руси и её соседей. — СПб. : ИИМК РАН, 1999. — С. 206—210.

26. Тихомиров, М. Н. Древнерусские города. / М. Н. Тихомиров. — СПб. : Наука, 2008. — 349 с.

27. Фетисов, А. А. Численность «дружинных» гарнизонов на торговых путях Восточной Европы / А. А. Фетисов // XVI конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии 9—12 сентября 2008 г. — Ч. 1. — М. : Архангельск : ИВИ РАН, 2008. — С. 225—227.

ФОГЕЛЬ Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Самарский государственный экономический университет» (г. Самара). E-mail: Alexandr_fogel@inbox.ru.

Поступила в редакцию 05 марта 2018 г.

DOI: 10.14529/ssh180207

THE MAIN PERIODS AND TYPES OF “URBANIZATION” IN ANCIENT RUS IN VIII—XII CENTURY

A. S. Fogel, Alexandr_fogel@inbox.ru

Samara State University of Economics, Samara, Russian Federation

This article deals with the problem of processes of city formation and the formation of urban networks in the Ancient Rus' in VIII—XII centuries. The Author makes an attempt to systematize the main types of urban settlements within a specified period according to the following criteria: the presence or absence of fortifications, the size of settlements, their main functions, the relationship with the processes of state formation, the presence or absence of coherent urban networks, planning or spontaneity of the appearance, relationship with the agricultural community and others. Based on the characteristics identified, five basic types of urban settlements are described and analyzed— as such can be considered tribal grads, open trade and craft settlements (protocities), prince pogosts, castles of a later time, not associated with the pogosts, the ancient city of XI—XII centuries. All mentioned types, which are small and large systems (networks), succeeded each other throughout the specified period and engaged in various interactions, forming a unified urban network of Ancient Russia.

Keywords: Ancient Rus, protocities network, tribal cities, pogosts, guard.

References

1. Boguslavskij O.I *Kompleks pamjatnikov u d. Gorodishhe na r. Sjas' v sistemesinhronnyh severoevropejskikh drevnostej*. [The complex of monuments at the village of Gorodishche on the Syas' river in the synchronous Nordic system of antiquities]. Severnaja Rus' i narody Baltiki. [Northern Russia and the peoples of the Baltic sea] SPb. Dmitry Bulanin. 2007. 232 pp.

2. Golubeva L.A. *Ves', skandinav i slavyane v X—XI vv.* [Ves', Scandinavians and Slavs in X—XI centuries]. Finno-ugry i slavyane [The Finno-Ugric peoples and the Slavs]. L. Science. 1979. 173 pp.

3. Gorskij A.A. *O perehodnom periode ot doklassovogo obshchestva k feodal'nomu u vostochnykh slavyan*. [On the transition from pre-class society to a feudal Eastern Slavs]. SA, 1988. Vyp. 2. P. 116—131.

4. Gorskij A.A. *Politicheskie centry vostochnykh slavyan i Kievskoj Rusi: problemy jevoljucii* [Political centers of the Eastern Slavs and Kievan Rus': the problem of evolution]. Otechestvennaja istorija [National History]. 1993. № 6. P. 157—162.

5. Dubov I.V. *Problemy stanovleniya rannefeodal'nogo obshchestva na territorii Yaroslavl'skogo Povolzh'ya*. [Problems of formation of feudal society in the territory of the Yaroslavl Volga region]. Avtoreferat kand. dis. [Abstract of PhD thesis]. L. 1974. 20 pp.
6. Kirpichnikov A.N. *Ladoga VIII–X vv. i ee mezhdunarodnye svyazi*. [Ladoga in VIII–X centuries and its international relations]. *Drevnjaja Rus': novye issledovaniya*. [Ancient Russia: new research]. SPb. Publishing house of St. Petersburg University. 1995. P. 28–53.
7. Kirpichnikov A.N. *Ladoga v pervye veka ee istorii*. [Ladoga in the first century of its history]. Kirpichnikov A.N., Sarab'janov V.D. *Ladoga — drevnjaja stolica Rusi*. [Ladoga — the ancient capital of Russia]. SPb. Slavia. 1996. 200 pp.
8. Kotyshev D.M. «*Russkaja zemlja*» v X–XII vv.: *centr i periferija* [“Russian land” in X–XII century: center and periphery]. *Vostochnaja Evropa v drevnosti i srednevekov'e: gosudarstvennaja territorija kak faktor politogeneza* [Eastern Europe in antiquity and the middle ages: the state territory as a factor of politogenesis]. M. IVI RAN, 2015. P. 149–153.
9. Kotyshev D.M. «*Russkaja zemlja*» v konce H — nachale XI vv.: *ot vozhdstva k rannemu gosudarstvu* [“Russian land” in the late X — early XI centuries: from chiefdom to the early state]. *Vostochnaja Evropa v drevnosti i srednevekov'e: migracii, rasselenie, vojna kak faktory politogeneza* [Eastern Europe in antiquity and the middle ages: migration, settlement, war as factors of politogenesis]. M. IVI RAN. 2012. P. 143–147.
10. Lebedev G.S. *Kul'turnaja stratigrafija Severo-Zapada Evropejskoj chasti Rossii i problemy formirovanija Novgorodskoj zemli* [Cultural stratigraphy of the Northwest European part of Russia and problems of formation of Novgorod state]. *Arheologicheskoe issledovanie Novgorodskoj zemli*. [the Archaeological study of Novgorod]. L. Publishing house Leningrad University. 1984. P. 50–55.
11. Lebedev G.S. *Skandobaltika i Rus' v istoriko-kul'turnom processe rannego Srednevekov'ja (VIII–XI vv.)* [Skandobaltika and Russia in the historical and cultural process of early middle Ages (VIII–XI centuries)]. *Evropa — Azija: Problemy jetnokol'turnyh kontaktov*. [Europe — Asia: Problems of ethno-cultural contacts]. SPb. Petroskandica, 2002. P. 7–23.
12. Lebedev G.S. *Jepoha vikingov v Severnoj Evrope i na Rusi*. [Viking Age in Northern Europe and Russia]. SPb. Eurasia. 2005. 640 pp.
13. Leont'ev A.E. *Merja i muroma: materialy k izucheniju sistem rasselenija* [Merya and muroma: materials for the study of settlement systems]. *Novye issledovaniya po srednevekovoj arheologii Povolzh'ja i Priural'ja* [New research on medieval archaeology of Volga and Ural regions]. Izhevsk. UIIAL Uro. 1999. P. 46–51.
14. Machinskij D.A. *O roli finnojazychnogo naselenija bassejnov Volhova i Velikoj v slozhenii jetnosociuma «Rus'» (VIII–XI vv.)* [About the role of the Finnish-speaking population of the basins of the Volkhov and the great addition of ethnosocial “Rus” (in the VIII–XI centuries)]. *Sovremennoe finno-ugrovedenie. Opyt i problemy* [Modern Finno-ugrology. Experience and problems]. L. GME peoples of the USSR. 1990. P. 110–120.
15. Mel'nikova E.A. «*Druzhinoju nalezu srebro i zlato*»: *voenno-torgovaja jekonomika drevnerusskoj jelity v H v.* [“Druzhinoju nalezu srebro i zlato”: a military and trading economy of the old Russian elite in the tenth century]. *Vostochnaja Evropa v drevnosti i srednevekov'e: migracii, rasselenie, vojna kak faktory politogeneza*. [Eastern Europe in antiquity and the middle ages: migration, settlement, war as factors of politogenesis]. M. IVI RAN, 2012. P. 181–187.
16. Nasonov A.N. «*Russkaja zemlja*» i *obrazovanie territorii drevnerusskogo gosudarstva* [“Russian land” and the formation of the territory of the old Russian state]. M. Publishing AS USSR. 1951. 441 pp.
17. Nefedov V.S. *Smolenskoe Podneprov'e i Podvin'e v period formirovanija Drevnerusskogo gosudarstva po arheologicheskim dannym*. [Smolensk, the Dnieper and the Dvina in the period of formation of old Russian state through archaeology]. DGVE 2010. M. Russian Foundation for the promotion of Education and Science. 2012. P. 270–299.
18. Nosov E.N. *Pervye skandinavcy v Severnoj Rusi* [The first Scandinavians in Northern Rus]. *Vikingi i slavyane. Uchenye, politiki, diplomaty o russko-skandinavskih otnoshenijah*. [The Vikings and the Slavs. Scientists, politicians, diplomats of the Russian-Scandinavian relations]. SPb. Dmitry Bulanin. 1998. P. 56–82.
19. Nosov K.S. *Russkie kreposti i osadnaja tehnika v VIII–XVII vv.* [Russian fortress and siege equipment in VIII–XVII centuries] SPb. LLC «Publishing Polygon». 2002. 176 pp.
20. Platonova N.I., Zheglova T.A., Lesman Ju.M. *Drevnerusskij protogorodskoj centr na Peredol'skom pogoste*. [Ancient protocity center of the Peredolsky pogost]. *Severnaja Rus' i narody Baltiki* [Northern Russia and the peoples of the Baltic] SPb. Dmitry Bulanin. 2007. P. 142–194.
21. Puzanov V.V. *Drevnerusskaja gosudarstvennost'* [The old Russian statehood]. Izhevsk. Publishing house “Udmurt University. 2007. 624 pp.
22. *Rossija i stepnoj mir Evrazii: Oчерки* [Russia and the steppe world of Eurasia: Essays]. Pod. red. Ju.V. Krivosheeva. [Under. ed. Yu. V. Krivosheev]. SPb. Izd-vo St. Petersburg University. 2006. 432 pp.
23. Samonova M.N. *Skandinavskij faktor v obrazovanii Polockogo i Turovskogo knjazhestv*. [The Scandinavian factor in the formation of Polotsk and Turov principalities]. *Vostochnaja Evropa v drevnosti i srednevekov'e: gosudarstvennaja territorija kak faktor politogeneza*. [Eastern Europe in antiquity and the middle ages: the state territory as a factor of politogenesis]. M. IVI RAN. 2015. P. 228–232.
24. Sedov V.V. *Stanovlenie evropejskogo rannesrednevekovogo goroda* [The formation of European medieval city]. *Stanovlenie evropejskogo srednevekovogo goroda* [The formation of European medieval city] M. Science. 1994. 200 pp.
25. Sedov V.V. *Stanovlenie pervyh gorodov v Severnoj Rusi i varjagi* [The formation of the first cities in the Northern Rus and the Varangians]. *Rannesrednevekovye drevnosti Severnoj Rusi i ejo sosedej*. [Early Medieval antiquities of Northern Russia and its neighbors]. SPb. IIMK RAN. 1999 P. 206–210.
26. Tihomirov M.N. *Drevnerusskie goroda*. [Ancient Russian cities]. SPb. Science. 2008. 349 pp.
27. Fetisov A.A. *Chislenost' «druzhinnyh» garnizonov na torgovyh putjah Vostochnoj Evropy* [The Number of “guards” gar-risons on the trade routes of Eastern Europe]. XVI konferencija po izucheniju Skandinavskih stran i Finlandii: 9-12 sentjabrja 2008 g. [The XVI conference to study Scandinavian countries and Finland: September 9–12, 2008]. M. Arkhangelsk. IVI RAN. 2008, Part 1. P. 225–227.

Received March 05, 2018

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Фогель, А. С. Основные периоды и типы «урбанизации» в Древней Руси в VIII–XII вв. / А. С. Фогель // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2018. — Т. 18, № 2. — С. 41–48. DOI: 10.14529/ssh180207

FOR CITATION

Fogel A. S. The main periods and types of “urbanization” in Ancient Rus in VIII–XII century. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*. 2018, vol. 18, no. 2, pp. 41–48. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh180207